

Д. Каримов

КОД ШРЕДИНГЕРА

*...Те, кто не чувствуют мрака,
никогда не будут искать света...*

повесть

12+

Данияр Каримов
Код Шредингера

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Каримов Д.

Код Шредингера / Д. Каримов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что если конспирологи правы, а Ферми – нет? Что если Млечный путь кишит жизнью и интригами, в которых Земле отводится особое место? А если и Земля – не Земля, а лишь ее копия, и калькой является даже история и... вы? Тень за спиной может принадлежать не вам, и вовсе не быть тенью. Что если мрак, окруживший вас, не темнота, а проявление иной сущности, иной природы, иной вероятности? Потусторонние силы, темная материя, параллельные миры, мультивселенная и теория струн. Готовы ли вы принять новую реальность? Пешке, как водится, суждено стать фигурой, которая изменит ход большой игры на галактической доске. Но что если и пешка вовсе не пешка? Вдохните побольше воздуха, чтобы не захлебнуться в мрачных глубинах космоса! Три, два, один...

Содержание

-01.	5
0.	6
01.	7
02.	10
03.	12
04.	14
05.	18
06.	20
07.	23
08.	25
09.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Данияр Каримов

Код Шредингера

-01.

«Те, кто не чувствуют мрака, никогда не будут искать света».

Ржавое солнце медленно разгоралось на металле двух рельсовых параллельных, растопля утреннюю дымку и черное масло колесных пар. В пропитанных пылью кустах у железнодорожной насыпи лежал, вытянув перед собой пухлые ручки, рыхлый мужичок в мешковатой одежде. Рядом с ним придавила чахлую усыхающую траву брезентовая сумка. Пластун внимательно наблюдал за тем, как в мареве таял, неуклюже покачиваясь, силуэт путевого обходчика. Вдали тлело красное око семафора, равнодушно взиравшего на выпирающие ребра шпал.

Над ухом противно и настойчиво гудел одинокий комар. Мужичок отмахнулся и, пригибаясь, неожиданно легко метнулся к путям. Деловито сопя, он вытащил из сумки и прикрепил к рельсе продолговатый предмет.

Жужжание стало громче, а потом надоедливый комар уколол в загривок. Мужичок попытался прихлопнуть кровопивца, но рука не слушалась. Пухлый завалился на бок и скатился с насыпи, закончив короткий, но головокружительный спуск в лужице мазута. Широко открытые голубые глаза удивленно вытаращились в небо, в котором чертил белую прямую далекий самолет и разливались волны эфира.

– Я – Почта один, – хрипнула одна из них. – Посылка отправлена. Повторяю, посылка отправлена.

Черная лужица, в которой лежал мужичок, пришла в движение, собираясь вокруг головы. Субстанция, в которую превратился мазут, коснулась металлического жала, торчащего в загривке, отпрыгнула, будто получив болезненный удар, потом лизнула открытые участки кожи.

С другой стороны насыпи неслышно поднялись к путям двое вооруженных людей в боевой экипировке и тактических шлемах. Из-под опущенного зеркального забрала одного из них кустилась наружу пышная черная борода. Ее обладатель присел у предмета, оброненного пухляком.

– Никак, гяуры¹ рельсовую войну затеяли? – фыркнул он. – Грязные методы!

– Басурманят партизаны, прости господи, – перекрестился второй, явно соглашаясь со сказанным. «Мусульманин» покачал головой, сокрушенно поцокал языком, проделал какие-то манипуляции с предметом и осторожно убрал его в металлический контейнер, закрепленный на поясе. Его спутник молча взял сумку, и они спустились к мужичку, беспомощно лежащему внизу. Бородач пощупал пульс на шее «гяура», потом удовлетворенно кивнул напарнику.

– Я – Почта-два, – сказал второй невидимому слушателю. – Посылку принял.

Они подняли обездвиженного подрывника и потащили от железнодорожного полотна. Щебень, на котором возлежал «гяур», был сух. За поворотом, совсем недалеко от места, где разворачивалось загадочное действие, бурный и пестрый людской поток шумно втекал в здание вокзала с безликой площади, возвещая скорое прибытие экспресса.

---

¹ Гяур – неверный (мус.), в средневековье презрительное название иноверцев.

0.

Невообразимо длинные эфемерные пальцы ощупывали окружающее планету пространство, перебирая струны частот по партитурам множества источников. Симфония волновых возмущений непостижима разуму обычного существа. Ее гармонию мог бы разгадать холодный интеллект, рожденный пасьянсом тысяч печатных плат, но гигантская нейросеть, сплетенная километрами электропроводящих цепей, тянулась в космос не за вдохновением. Она равнодушно процеживала эфир сквозь лопасти локаторов в поисках добычи другого порядка.

Невидимая длань машины нащупала тонкую нить узконаправленного кодированного сигнала, замаскированного под статические помехи. С тихим щелчком включилось записывающее устройство. Детальная копия перехваченной передачи отправится к ранее добытым образцам. Искусственный мозг терпеливо корпел над их расшифровкой уже несколько месяцев.

Интеллект представлял задачу сложным механизмом, однажды неосторожно разбитым на мелкие детали, и каждая имела значение. Испробовав множество вариантов, искусственный мозг наконец понял принцип сборки, но построенные модели упрямо отказывались работать эффективно. На сей раз, однако, что-то изменилось. Сигнал затух, а недостающая часть механической головоломки встала на место.

На интерфейс живого оператора потек тонкий ручеек данных, в которых однако еще были досадные лакуны. Интеллект заполнит их позже, если (когда) поймает еще один кодированный сигнал. Непосвященному расшифровка представлялась бы белибердой.

Если бы оператор понимал язык сообщения, то прочитал следующее: «...развернута в штатном режиме. Уровень технологического проникновения характеризуется как приемлемый, хотя оценивается постоянной миссией ниже требуемого. Форматирование социума не готово к завершающей стадии, несмотря на проведенные мероприятия. Отмечено снижение темпов глобализации из-за противодействия на уровне правительств отдельных государственных образований. Корпоративное поглощение встретило сопротивление национальных элит и обособленных бизнес-групп. Заключение соглашений о слиянии невозможно в силу недогвороспособности. ...прибытие...».

01.

Мужичок по ту сторону стекла всхлипывает жалобно чумазым пятчком. Ребята его уже окрестили Наф-Нафом², и кличка ему очень кстати. Глаз подбит, косит загнанно на дознавателя, щеки и двойной подбородок с редкой седеющей щетинкой дрожат. Животик, семейное дело, в меру положителен, с соседями отзывчив и приветлив. На шее оболтус школьного возраста, жена в бигуди и моложавая любовница. Лжив насквозь. Садануть бы по пухлой шее хорошенько, настолько противен!

Наф-Наф пускает слезку – не знаю, господин хороший, не понимаю, как произошло, бес попутал, голоса в голове – и получается у подлеца очень натурально, очень близко и каждому, кто это слышит, хорошо знакомо. Но маска на лице дознавателя непроницаема, грубые черты ее мрачны, и сам он к свинорылому не сопельки утирать приставлен. Задачи его сантиментам антагоничны и «доброе» напарника в компании нет. Веет от него смертной скукой, что наводит на многих допрашиваемых нечеловеческую грусть, которую убедительно демонстрирует плененный поросля.

Какой, казалось бы, из бюргера берсеркер? Но угловатая пентаграмма на шее, видимая в инфракрасном (смещенном) диапазоне, и арсенал, аккуратно разложенный на столе, явствует об обратном. Оружия тут, между прочим, мама не горюй. Наф-Наф на штурм вокзала нацеливался. А все ради чего? Великой ложе, которой служил берсеркер, требовалась чудовищная бойня. Гибель десятков случайных людей должна была послужить дымовой завесой другому дьявольскому акту – казни пары специалистов малоприметного конструкторского бюро. Они прибывали поездом с какого-то семинара. Бедолаги вряд ли догадывались, кому перебежали дорожку. Да и кто бы поверил? Великая ложа? Что еще за масоны? Что за теории заговора? Ну не бред, а?

Нисколько. В соседних кельях заламывают ручки еще двое «поросят» – Ниф-Ниф и Нуф-Нуф, соответственно. Такие же пухлые, словно на одной ферме откормленные, внешне к боевым операциям совсем не пригодные. Подельнички, соратнички, бранная триада в полной сборке. Странная, досель в подобных составах невиданная, глубоко законспирированная и чрезвычайно опасная. До сих пор удивляюсь, как легко удалось ее взять.

До инцидента ни один из бесовской троицы не попал даже в поле зрения полиции, да и не мудрено: они и друг друга впервой накануне увидели – в точке сбора. Когда-то такими занималась инквизиция, которую нет-нет поминает всуе мастер-наставник Грез, чей чахоточный кашель возвращает меня в бытие – в затемненную комнату, отделенную от дознавательской бронированным зеркальным стеклом.

Наставник с брезгливым прищуром разглядывает Наф-Нафа и медленно, словно нехотя, любопытствует, к каким мыслям меня зазеркалье подталкивает. Мнение мое ему что верблюду колокольчик, да и что ученик подскажет мастеру? Но ход мыслей подопечного он знать и корректировать должен, чтобы оправдать предназначение.

Я версию пока не сформировал, потому изрекаю что-то интуитивно общими словами о происках охраны, отвлечении внимания от чего-то более важного и тщательно ложей скрываемого.

– Да? – уточняет он, и непонятно, чего в голосе больше: сарказма или иронии. Утверительно киваю – однозначно, мастер! Судите сами: три оборотня за раз в одной точке – это не прокол, а скорее провокация, действие умышленное, против ордена спланированное. Наставник, вижу, соглашается, но кривится: не нравится, что трех поросят называют оборотнями. Ворчит раздраженно. Не оборотни, дескать, а вовлеченные. Вовлеченные! Как понимаешь,

---

² Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф – персонажи из сказки «Три поросенка».

брат Фатум? С этими словами он разворачивается, губы под забралом сжаты твердо в две сухие полоски и добавляет: – Все мы здесь оборотни, посади меня в виману³!

Потом мастер-наставник глаголет истину, с раздражением глядя сквозь стекло и самого бургера в неведомую чужому взору даль. Он напоминает, что вовлеченные прежде всего жертвы подлой лжи и не менее подлой логи, и что кому-кому, а мне бы это стоило помнить, сам ведь когда-то сидел перед дознавателем. Я не спорю, ибо бессмысленно. Прав брат Грез, конечно. Было дело, только меня не за подготовкой к теракту взяли, а после успешной диверсии в некой лаборатории. Оценили, так сказать. Сидел я, как и Наф-Наф в комнате с обшарпанным столом посередине. Кожу приятно холодила ткань шикарной сорочки, на белоснежной манжете которой подозрительно алело едва заметное пятнышко, ныли разбитые кулаки, а перед носом лежала папка с крупной округлой пиктограммой.

– Вовлеченный, гм-м-м, Фатум, – за плечом, заставив вздрогнуть, возник седой и крепкий еще мужчина. Он походил на откормленного и довольного жизнью кота, вальяжного, пресыщенного лаской и лакомствами.

– Не оригинален, – он обошел меня по кругу. – Распространенный псевдоним. Сам подбирал или подсказал кто? Ты на моем веку пятый или шестой Фатум. И что вас тянет называться чужими героями? Раньше как звали? До вовлечения? По-настоящему? Помнишь?

Я смотрел прямо перед собой, прикидываясь посторонним. Дознаватель был противником хитрым и опасным, и мы были по разные стороны цивилизационного рва.

– Вижу, подзабыл, – он сел передо мной и повертел пальцем у виска. – В твоей голове присутствует кое-что, воздействующее на определенные нейронные цепи, и ты знаешь об этом. Твои собраты по несчастью называют ее голосами в голове. Безотказная штука, правда? Тебя воротит от нее, и мне о том известно. Боевая программа – искусственная зараза, и твой мозг еще пытается с ней бороться, но, вот беда, нет для нанитов⁴ антител. Не дошла до такого мать-эволюция. Гм-м-м. Никогда не задавался вопросом, почему ложа выбрала тебя?

– Ложа? – переспросил я, всем видом выказывая крайнее удивление.

– Рекомендую, – посоветовал мужчина, указывая на папку. – Не оторвешься! Там есть ответы на вопросы, которые даже ты себе еще не задавал. Мы постарались, подшивали аккуратно.

В папке покоилось мое досье – краткий обзор насыщенной биографии изобиловал сносками на явно более объемные документы. Досье впечатляло скрупулезностью, с которой собиралось. Много позже мастер-наставник расскажет, что орден давно обратил на меня внимание. Среди оборотней я выделялся завидной живучестью. Ложе меня бы в гвардию записать.

– Проясняется в голове? – участливо спросил седой.

– Нет, – заявил я, наблюдая, как собеседник наполняется нетерпением, и добавил: – Вы предсказатель?

– Бери точнее, – усмехнулся он. – Целитель!

Так и сказал, и не лукавил. Заглуши в вовлеченном наниты, и выманишь в мир нормального человека вроде меня. Нормального разумеется чисто условно. Но кто в Тайном ордене психикой заморачивается? Не до того братству, братцы, ой не до того!

Пока светлейший Грез распинается, дистанционно сканирую все еще всхлипывающего Наф-Нафа. Где он боевые наниты подцепил, а главное, как потасканный организм слияние выдержал? К перекодировке не пригоден, слаб и морально, и физически, а значит проследует на промывку мозгов. Наниты выжгут вместе с нервными клетками. Кого сейчас удивишь амнезией? Потом бедолагу выбросят на пустой улице и начинай жизнь сначала, если не сломаешься.

---

³ Вимана – санскр. – гипотетический летательный аппарат, описанный в древнеиндийской литературе.

⁴ Наниты – гипотетическое – роботы, размером сопоставимые с молекулой, обладающие функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ.

Прошлое отнято, будущее – скрыто. Куда идти, если путей вдруг фантомное множество, а единственно верный и однажды выбранный тьма покрывает?

Наф-Наф за стеклом жалостливо плачется о семье, о человеческой ценности и психологической несовместимости с насилием. Я прислоняюсь открытым лбом к стеклу и отточенный голос мастера-наставника со стороны хоть не смолкает, но, кажется, становится тише. Думаю, ему и самому все это чертовски надоело: маски на братьях, поросята-берсеркеры, холодные стекла, игры в кошки-мышки, выбор – кого на перекодировку и к нам, а кого – на промывку мозгов. Ордену свидетели не нужны, тайные общества не держат балласт. А наше и вовсе: всяк при деле, и каждый – из оборотней-вовлеченных. Другим-то здесь, увы, делать нечего.

То, что тобой какое-то время владели наниты, а точнее – внесенная ими программа, жесткая и нередко с определенными этическими нормами несовместимая, наносит колоссальную психологическую травму. После подавления мозгового софта⁵ люди лезут на стену, а то и в петлю, бросаются в пекло, пропасть, во все тяжкие. Я до сих пор сомневаюсь, живой или машина, а вспоминать прошлое и под расстрелом не захочу. Но если после возвращения в себя ты не рехнулся, считай – стал непобедимым, потому что свободному человеку все нипочем. Так ведь? Истинно?

---

⁵ Софт – сленговое, собирательное название программного обеспечения.

02.

Над степью беспокойно мерцали звезды. В стороне, у самой линии горизонта волновалась под маревом смога разноцветная россыпь ночных огней. Там шептал слепой дождь, потрескивали костры, наполняя воздух пряным запахом сброшенных листьев, тоскливо разливалось протяжное разноголосье муэдзинов, а здесь стояла тишь: ни птичьего крика, ни стрекота цикад, лишь едва уловимый ветерок тревожил редкое сухотравье, но обманчиво безмолвие дикого поля.

Небосвод зацепился за едва обозначенный у самого горизонта далекий снежный пик, ткань пространства треснула и по крутому склону Млечного пути покатила синяя звездочка. Ночная гостья нырнула вниз и, приглушив яркость, полетела параллельно поверхности, поплавав огибая складки местности. Поплутав недолго между сопками, словно запутывая следы, она, наконец, зависла у оазиса зелени, испустив серебристый луч.

Столб света упал на скрытую от посторонних глаз полянку, в центре которой торчало ветхое, крытое ржавой жестью одноэтажное строение. Некогда, возможно, оно было частью крепкого егерского хозяйства или обителью затворника, скрывшегося от цивилизации, но теперь брошено, коляя к нему заросла, заборчик из жердей истлел и завалился.

Дом, старый и обшарпанный, раскрыв в немом крике темную пасть дверного проема, косил ввалившимися окнами на справного напомаженного мужчину в дорогом костюме, отрешенно курившего на пороге. Шагах в двадцати от него медленно остывал внедорожник премиум-класса. Курильщик поднял голову к источнику света и выдохнул дым, заставив воздух вскипеть тенями.

– Омерзительный запах, – вздохнул поток света приятным женским голосом, собрался в стройную фигурку и топнул длинной ножкой. – Бросьте сейчас же!

Серебристый свет рассыпался искорками и звоном хрустальных колокольчиков. Мужчина сконфуженно затоптал сигарету и склонил колено перед уже вполне осязаемой брюнеткой в строгом костюме, провокационно подчеркивающим прелести. Гостья была подкупающе юна и чарующе красива, но одновременно лишена тонкой нотки индивидуальности, которая бы предала прелестнице неповторимость, словно творец лепил ее, не успев наиграться в куклы. Но кавалер был знаком с реальным наполнением изящной телесной оболочки.

– Леди Елей! – воскликнул он. – Добро пожаловать на Терру 2-0-16! Принимать доверенную фрейлину примы в статусе специального посланника глубокая честь для нас!

– Я польщена, лорд-председатель Форт, – специальный посланник без тени кокетства поправила черную как смоль прядь, упавшую на томные зеленые глаза.

– Карета подана, госпожа, – председатель, не вставая с колена, сделал приглашающий жест в сторону внедорожника.

– На сей раз вы позаботились о подушках? – леди Елей быстрым шагом направилась к машине. Мужчина, на миг замешкавшись, ринулся следом, обогнал, успев с восхищением оглядеть гостью, открыл дверь в салон. Дама грациозно опустилась в кресло, потом поманила его пальчиком, словно приглашая заглянуть в декольте.

– Мой ДНК позволяет воздействовать на плебс широким инструментарием, – в меццо-сопрано прибывшей звучала издевка. – Не удручайте меня, лорд-председатель. Вашему клубу еще предстоит объясниться за технологический скачок на вверенной планете, поэтому не распляйтесь попусту. Не дайте мне усомниться в вашем происхождении.

Лорд-председатель отпрянул, как от пощечины, оскорбленно вспыхнул.

– Стерва, – буркнул он перед тем, как открыть дверь с водительской стороны. Дама уже отвернулась к окну, ее губки тронула легкая улыбка. Внедорожник был гораздо комфортней примитивной кареты, которую подали во время ее первого инспекционного визита. Шаткую

конструкцию на деревянных колесах, вычурно обитую багровым бархатом, сильно трясло на ухабах подобия дорог, и она, помнится, даже набила себе синяк. Сколько с тех пор минуло? Целая эпоха, скучная, темная, удручающе дискомфортная и невообразимо долгая. Здесь до сих пор приходилось скрывать каждое прибытие извне, да и само инопланетное присутствие.

Внедорожник тронулся, вызвав неприметное для лорда-председателя движение вокруг дома. Из зеленки неслышно выбирались покрытые камуфляжной броней безмолвные человеческие фигуры, следом выкатился из скрытого от чужого глаза укрытия легкий броневик, справленный под выдавший виды микроавтобус. Воины попрыгали в него на ходу и машина, не зажигая фар, двинулась за джипом, корректно сохраняя дистанцию.

Вскоре о встрече странной пары и загадочном эскорте напоминал только окурок, да тающие вдали задние огни. Когда их угольки угасли, из темного оконного проема выплыло наружу пятно черной маслянистой субстанции. Оно лениво покружилось над лужайкой, примятой колесами, выпустило псевдоподии и ощупало следы небесной гостьи. Трава, которой коснулись черные щупальца, осыпалась в прах. Повисев немного в раздумье, пятно приняло вид идеальной окружности, втянулось в крохотную точку, и с негромким шипением схлопнулось.

03.

– Что со мной будет? – Наф-Наф жалостливо округляет глазки на дознавателя.

– Тебя ждет светлое будущее, – заверяет тот и тянется к кнопке, чтобы вызвать караул, но чутка не успевает. Оборотень – еще неуловимое мгновение назад поросенок поросенком – превращается в матерого взбесившегося кабана. Стул летит в одну сторону, дознаватель в другую. Цепь стальную проклятый оборотень разорвал и от браслетов едва не освободился. Кисть одна, кажется, только на коже и болтается, но другая рука Наф-Нафа цела и чудовищно действенна.

Дознаватель откатывается и неваляшкой вскакивает. Удар берсеркера разбил забрало шлема, обнажив перекошенное, побитое оспинами лицо, и я понимаю, почему мы в ордене скрываемся, за исключением наставников, под масками. Дознаватель мне знаком – в ложе не раз встречались. Никогда б и не подумал, а, гляди-ка, из наших.

– Напрасно ты это, парень, – зло шипит дознаватель, и любому другому становится страшно, но не берсеркеру. У него волосы на загривке дыбом от ярости. Рядом с ним сейчас смерти подобно. Не жалеет берсеркер никого, не гуманистами запрограммирован.

Я наблюдаю сцену в записи – орден его каждому участнику облавы на визоры⁶ скинул, вместе с файлами из камер с братцами Наф-Нафа по несчастью. Судя по хронометражу, берсеркеры взбесились практически одновременно, как по команде, крушат нары, бросаются на двери. Рядом с Нуф-Нуфом и Ниф-Нифом, к счастью, никого нет.

Наф-Наф припиливает дознавателя стулом к стене, и тот болтается черным, истекающим кровью мешком. В помещение влетают охранники, но скорость у берсеркера выше, трещат кости, хрипит разодранное горло, звучат хлопки – оборотень завладел заряженным оружием и бросился по коридору, открывая по пути камеры с братцами. Бойне в тюремном блоке теперь некому помешать, объект остается только блокировать по периметру.

Сигнал тревоги застает всех врасплох. Мы с мастером-наставником и бойцы, бравшие трех поросят, давно покинули объект и теперь мчимся обратно. Наспех собранная боевая группа, тем временем, входит в захваченный берсеркерами блок, но спасать уже некого. Сканеры фиксируют активность двух тепловых пятен и оба оказываются берсеркерами.

Тварей травят нейротоксинами⁷. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф – а это были они – мешками валяются на пол. Старшего братца Митькой звали. Дал сволочуга деру в лабиринт технологических туннелей и заброшенных штолен, связывающий объект с городской канализацией. Будто ведал куда шел. Или знал?

В подземном лабиринте темно и пахнет тленом, густой тяжелый воздух влажен. Мастер-наставник разбивает бойцов на триады, а зону поиска – на сектора. Грез мрачен, воображаемым стеклом по голенищу иллюзорного сапога разве не стучит, настолько зол. Упустить берсеркера ему никак нельзя. Если оборотень вернется к хозяевам, ложа прихлопнет подполье в два счета. Это, братцы, понимаю даже я, на этой стороне мира сопливый еще новичок, а уж мастер тем паче.

Тройки обшаривают подземелье, а новоприбывающих Грез гонит на поверхность, встречать беглеца фанфарами, красной дорожкой и другими почестями, соответствующими обстоятельствам. Решение, думается, спорное – попробуй угадай, где бесноватый чертик выскочит из подземной табакерки, но самое верное, да и на визоре уже всплывает картинка, на которой берсеркер, сориентировавшись в сетке подземных переходов, выбирается в город. Учужал, поганец, верную штольню. Или все-таки знал?

---

⁶ Визор – забрало, подвижная часть шлема, которая служит защитой лица и глаз.

⁷ Нейротоксин – яд, специфически действующий на нервные клетки.

Люк, через который берсеркер выскочил на поверхность, покоится на дне длинного рукотворного ущелья из обветшалых монолитов промышленных многоэтажек. Тут когда-то был шумный район: все время что-то пыхтело, лязгало, громыхало; надрывно гудели в бетонных коробах станки, обреченно шуршали конвейерные ленты, деловито жужжали погрузчики и мельтешили безликие синие роботы. Теперь здесь тихо, как на кладбище. Да, собственно, им все вокруг и было. Погост индустриализации.

Оборотень бежит далеко впереди, ловко избегая столкновений с мусорными баками, брошенной мебелью и хламом. Меня Наф-Наф пока не чувствует, беспрепятственно позволяя сближаться, но на дистанцию прицельного огня первым выхожу не я, а наставник.

Мастер Грез бесшумно планирует откуда-то сверху аккуратно в точку между мной и оборотнем, и бьет короткой очередью от бедра. Берсеркер сбивается с ритма – задело! – но с ног не валится, а палит в ответ. Не прицельно, а поверх и в стороны, чтобы ввести в замешательство. Пули щелкают по бетону стен, а Наф-Наф ныряет в окно первого подвернувшегося подвала. Наставник прыгает за ним, и с опозданием в несколько секунд и я, понимая, что помочь не успеваю. Крысу в угол загонять опасно, а берсеркера – самоубийственно. В замкнутом пространстве боевая зверюга любого противника голыми руками на лоскуты порвет.

В сумеречном ряду сквозных подвальных комнат с редкими подслеповатыми оконцами колышется полумрак. В первой пусто, во второй что-то шевелится в углу, и целеуказатель⁸ высвечивает человеческий силуэт. Бездомный на лежанке из прелых тряпок, по тяжелому духу – с будуна и до смерти напуган чужим присутствием, инстинктивно поднимает руки, чтобы закрыться. В полумраке он не видит толком, только какое-то движение, потому безопасен.

Впереди слышны выстрелы, мимо бьет шальная пуля, я ухожу в сторону, жмусь к стенам. Пока дуэлянты заняты друг другом, рывком бросаюсь вперед, но пальба неожиданно стихает. В последней комнате разбито окно, а под ним стоит, яростно вращая глазами, мой суровый мастер.

– Почему не снаружи?!

Что хочет услышать? Не мог оставить его один на один с берсеркером, не мог! Но он оправданий не ждет – не дурак, все понимает, – и в сердцах плюется.

– Ушел гад, посади меня в виману!

Потом наставник оповещает всех об эвакуации объекта и начинает обратный отсчет. Через полчаса несколько кубических километров подземелья, не менее столетия назад обжитого орденом, будут обработаны плазмой или напалмом, персонал – переведен. Кто не убежал, я не виноват. Мыло и мочало, начинай сначала.

---

⁸ Целеуказатель – часть системы наведения.

04.

Едва ли не каждая звезда, когда-либо обзаведшаяся планетами, имеет собственную строительную свалку. Красный карлик, затерявшийся в пылевой туманности между галактическими рукавами, не был исключением. На окраине его системы роился хаос из обломков планетезималей⁹, астероидов и ледяных ядер комет. В этой мешанине легко затеряться и крупнотоннажному судну, однако владелец малого корабля, дрейфовавшего среди космического мусора, все же заметно волновался, нервно перебирая бардовыми шупальцами.

Головоногий консул Ле Гле от республики, объединяющей несколько жалких водных миров, опасался слежки. Ставки в игре были чрезвычайно высоки. Если удастся сорвать банк, фракция малых рас, которую представлял Ле Гле, нанесет чувствительный удар по плодовитым конкурентам.

В отсек, где болтался консул, грациозно вплыла его неизменный помощник и супруга.

– Жуткое местечко, – заметила она, изменив цвет с милого ему нежно-голубого на тревожный фиолетовый. – Мы могли бы встретиться с посланником в более безопасной обстановке.

– Ты слишком впечатлительна, дорогая, – ответил консул, поспешно окрашиваясь в спокойный зеленый. – И, кроме того, мне не хотелось бы, чтобы кто-то знал о наших тесных контактах.

– Разве это является секретом, милый? – супруга Ле Гле вспыхнула недоуменным лиловым. – Наша фракция создана, чтобы защищать права кандидатов на вступление в сообщество миров.

– Что требует не только смелости, но и благоразумной осторожности, – напомнил консул. – Я опасаясь, что нас заподозрят в сговоре. Большие расы подобного не простят.

Ле Гле отвернулся к обзорному иллюминатору. Хронометры отсчитывали последние мгновения перед назначенным временем рандеву, но ни совершенные системы слежения, ни чуткие глаза головноногого не видели приближения другого корабля.

В консуле зародилось дурное предчувствие. Не мог ли посланник использовать малую фракцию втемную, чтобы затем с выгодой переметнуться к большим расам? Поменяйся они местами, Ле Гле, возможно, поступил бы именно так, но реальность была иной. Как ни печально, на данном этапе игры в сотрудничестве больше нуждалась не раса кандидатов, а малая фракция.

Невеселые размышления головноногого прервал сигнал вызова.

– Консул? – пробасил канал связи. – Надеюсь, не заставил вас ждать?

– Посланник, – с облегчением выпалил Ле Гле. – Где вы?

– В переходном шлюзе вашего корабля.

Консул обменялся с супругой удивленными взглядами. Посланник проник внутрь звездолета, не потревожив ни системы безопасности, ни датчики, следящие за герметичностью корпуса. И где, икра его дери, судно, доставившее гостя к точке рандеву? Не возник же он в вакууме?

– Как он там очутился? – В шепоте спутницы Ле Гле звучала паника.

– Хотелось бы знать, – буркнул консул, скрывая за раздражением липкий страх, который поневоле испытывал каждый раз, когда встречался со странным чужаком. Ни имени, ни прошлого, ни видимых слабостей, а только статус посланника. Ле Гле пока так и не смог выяснить, с кем или чем имел дело. Возможно, у культуры, снарядившей в Лигу переговорщика,

---

⁹ Планетезималь – небесное тело, образованное частицами пыли протопланетного диска. Уплотняясь и накапливая массу, затем образует протопланету – зародыш планеты.

вообще нет иерархии, должностей и дипломатии в том смысле, который выкладывали в эти слова другие расы.

– Так я могу войти? – напомнил о себе гость.

– Минутку, посланник, – засуетился Ле Гле. – Нужно подготовить отсек с приемлемой для обоюдного удобства средой. Вас устроит газовая или жидкая?..

– Прошу, не беспокойтесь, консул, – перебил гость без тени деликатности. – Мне вполне комфортно в привычной вам среде.

– Добро пожаловать, посланник, – ответил консул и метнулся навстречу. – Следуйте указателям.

– Благодарю за гостеприимство, – пробасил канал связи. – Вы очень любезны.

В жидкой среде корабля гость выглядел взвесью чернил, выпущенными испуганной каракатицей. Движение колыхало масляные лохмотья и Ле Гле поймал себя на мысли, что не понимает, какая сила способна удержать черные частицы вместе, и озадачивается этим с самой первой встречи. В газообразной среде мира, на котором обосновался галактический форум культур, посланник виделся точно так же. Раса, к которой принадлежал переговорщик, казалась чуждой настолько, что чудилась порождением иного континуума, сгустком мрака, плотного, плотоядного, очень голодного.

Чтобы отогнать ирреальные ассоциации, хозяин переключил внимание на бар и выудил на обозрение жутковатого посланника пару прозрачных сфер. Внутри шаров метались крохотные золотистые рыбки.

– Позвольте предложить вам этот изысканный деликатес, – Ле Гле отправил одну из сфер в плавание по направлению к гостю. – Эти прелестные создания обитают у минеральных источников на одном из миров моей республики, и поэтому имеют поистине незабываемый вкус. Попробуйте!

– Консул, неужели вы заманили меня на задворки вселенной, чтобы угостить эндемиками? – В гудении чужака Ле Гле слышалось плохо скрываемое недовольство.

– Здесь нет лишних глаз и ушей, посланник, – поспешил объясниться консул. – Я преданный сторонник конфиденциальности.

– Вот как? – иронично прогудел гость. Ле Гле мог поклясться, что при этом посланник покосился на скрытые объективы системы наблюдения, хотя органов зрения у чужака он так и не заметил. Однако именно после этой фразы экраны, по которым супруга консула следила за переговорщиками, потухли, а аудиоканалы заполнило фоновое шипение.

– Теперь наша беседа действительно конфиденциальна, консул, – сообщил гость. – Так что вы хотели сообщить?

В иной ситуации консул проявил бы обиду, но на сей раз предпочел списать грубую прямолинейность визави на варварство, свойственное молодым и глубоко провинциальным культурам.

– Посланник, фракция рассмотрела вашу заявку и сочла справедливыми притязания на кандидатские права, – Ле Гле сделал паузу, ожидая реакции собеседника, но тот молчал. Консул продолжил с флером легкой досады. – Вскоре вопрос вынесут на голосование, но, заверяю вас, оно будет чисто формальным. Это обычная процедура. Вступление в галактическое сообщество может затянуться на долгие годы, но кандидат заручается гарантиями невмешательства со стороны других рас и правом на самоопределение. Отличный бонус!

– Скромность – достоинство истинного мужа, – гость наконец позволил себе выдать скупую похвалу, слегка подмаслив чужое тщеславие. Сфера с рыбками медленно растворилась в чернильном сгустке без следа. – Фракции известно, что наше появление ослабит позиции больших рас?

– Только, примариата, если быть точнее, – самодовольно усмехнулся Ле Гле. – Это приемлемо. Сухопутные наложили руки на слишком многие ключевые маршруты, получив,

тем самым, незаслуженные преимущества. Такое положение раздражает многих. Появление независимых от примариата точек на транспортных переходах общегалактического значения послужит установлению баланса, столь необходимого цивилизованному космосу.

– Консул, мы глубоко признательны вам лично и фракции за содействие и поддержку, – гость чуть подался вперед. – Подтверждение прав нашей культуры на ареал – важный шаг для развития сотрудничества. Не сомневайтесь, оно будет выгодным.

– Хотелось бы обсудить это предметно, – признался Ле Гле, выдав, наконец, истинную цель тайного рандеву.

– Нас, как вы помните, интересует планетная система у желтого карлика, координаты которого я поделился с вами ранее, – ответил посланник. – Но, если точнее, только одна планета, тогда как в обозначенной системе есть еще несколько миров, пригодных для заселения. Водных миров. Да и сама планета больше чем наполовину покрыта океаном. Мы немногочисленны, консул, и согласны потесниться.

Ле Гле задумчиво посмотрел на собеседника. Он ожидал иного проявления благодарности.

– Позвольте напомнить один момент, посланник, – щупальца головноного сплелись в затаенном узоре, в котором Ле Гле выразил легкое удивление. – Гравитационный колодец системы, на которую ваша культура претендует как кандидат, входит в структуру гиперкоридора. Им пользуется половина галактического рукава¹⁰. Контроль над ней значит контроль за долей в сборах с оживленного торгового и транспортного маршрута. А вы предлагаете совместно укорениться во пространстве примариата и вот так легко отказываетесь от солидных дивидендов? Неслыханное бескорыстие. В чем же ваш интерес?

– Интересы наших культур схожи, консул. Мы ищем баланс, и нам не по нутру монополии и диктат. Что скажете? Новые миры, влияние и, конечно же, транзитные сборы, которые окупят стоицей любые ваши хлопоты. Достойное предложение?

Консул не торопился с ответом. В его непропорционально большой голове боролись противоречивые чувства. Немногие в известной вселенной культуры оказались способны к экспансии за пределы естественного ареала. Согласись он с визави, и локальная до сих пор республика окажется в высшей лиге. Великое искушение. Посланник поистине имел потустороннюю природу. Но столкнуться с примариатом напрямую? Нет, это, пожалуй, слишком даже для амбициозного вида Ле Гле.

– Посланник, боюсь разочаровать, но республика вряд ли сейчас готова принять столь щедрое предложение. Но мы согласны на консорциум, как только вы обретете полные права.

– Осторожничаете? – Консул скорее почувствовал, чем разглядел в ряби, прокатившей по субстанции посланника, усмешку. – Ставить на темную лошадку всегда рискованно. Кот в мешке иной раз почище кота Шредингера.

– Оставьте ваши идиомы, – сказал Ле Гле, сдерживая появившееся раздражение. – Я не договорил. Наше появление в этой истории примариат воспримет как прямой вызов, а у нас слишком разные весовые категории.

– Я услышал вас, консул, – взвесь вобрала в себя «лохмотья», превратившись в правильную сферу. – Что-то еще?

– Благодарю за понимание, посланник, – Ле Гле помедлил, размышляя, как подать гостю следующее условие, но потом решил, что лучшим вариантом будет сказать ему прямо, без обиняков. – С этого момента нам лучше прекратить контакты вплоть до момента, когда возникнут реальные предпосылки для создания консорциума.

– Принято, консул. Я так понимаю, что мне пора откланяться?

---

¹⁰ Галактический или спиральный рукав – структурный элемент спиральной галактики. В рукавах содержится значительная часть пыли, газа, звезд и их скоплений.

– Если не желаете разделить со мной и моей супругой трапезу, – Ле Гле поспешил сгладить углы любезностью.

– Надеюсь, нам представится такая возможность, когда мы встретимся, чтобы объявить о консорциуме, – на этих словах посланник потерял правильную форму, вновь превратившись в чернильную взвесь. – До свидания, консул.

Сила, удерживавшая черные частицы вместе, ослабла и жутковатый гость на глазах Ле Гле растворился в жидкой среде корабля. На месте, где висел чужак, теперь плавал пустой сосуд, в котором немногим ранее испуганно метались эндемичные рыбки.

– Святая влага, – ожил канал связи с мостиком, где оставалась супруга Ле Гле. – Что он такое?

– Ты видела?

– Только то, как он эффектно исчез. До этого твой гость блокировал все каналы наблюдения.

Консул вытащил из-за бара пустой контейнер и ловко поймал им сосуд, опустошенный чужаком. Добыча отправилась в анализатор. Тот озадаченно загудел.

– Проверь на наличие следов.

– Хорошо, – ответила супруга. – Как прошло?

– Неординарный попутчик, – консул мысленно отмахнулся от всплывшего в памяти черного образа. – Но свое дело сделал. Мы посадили тварей в самое сердце гипертрассы. Прима-риат теперь повернется угрем. Что нашел анализатор?

– Ничего, – потрясенно воскликнула супруга. – Попутчик не оставил ни молекулы.

– Он казался осязаемым, – озадаченно вымолвил консул.

– Не исключено, мы наблюдали некий энергетический кокон, который служит посланнику чем-то вроде скафандра, – предположила супруга. – Гипотетически это возможно.

– Но ничего не объясняет, – мрачно произнес Ле Гле, багровея. – Ровным счетом ничего. Кот в мешке, кот Шредингера... Что бы это значило?

05.

Конференц-зал был просторным и светлым, с голографическим видом на горный хребет, освещенный утренним солнцем, отчего, казалось, от панорамного псевдоокна веяло зябкой свежестью. Однако собравшимся было жарко, и причиной тому была жгучая брюнетка в деловом костюме, наблюдавшей с показной скукой за неспешным движением перьевых облаков, проплывающих выше снежной гряды. Лорд-председатель ложи, представив гурию собранию посвященных, с каменным лицом изучал платиновую запонку на манжете, под которой слегка жег кожу никотиновый пластырь. Нервные пальчики леди Елей отстукивали сложный ритм по столу из красного дерева.

Высший круг Великой ложи скорее напоминал совет директоров крупной корпорации, чем избранное и тайное общество. Бюрократия хищным грибком поражала любое перспективное начинание. Леди Елей мысленно покачивала головкой. Бюрократия и раболепие. Редкий раб не мечтает властвовать. Редкий властитель изживает из себя раба системы.

Докладчик, стараясь не поднимать на гостью бесцветных глаз, бубнил, апеллируя к цифрам и графикам, высвеченным на широком экране за его спиной, время от времени нырял с головой в ворох бумаг, что-то дополняя и сбиваясь с ритма. На его лысине нервно блестели капельки волнения. Пространный документ, выверенный загодя до последней буквы, уже не внушал доверия ни самому составителю, ни аудитории – цвету Великой ложи, собранного со всей планеты.

– Сударь, достаточно, – неожиданно прервала докладчика леди Елей.

– Ч-что? – переспросил докладчик. Лысина его зардела.

– Присядьте, лорд-корректор, – подал голос Форт, оторвавшись от запонки и с сочувствием вглядываясь в лица присутствующих. Лорд-председатель лично курировал коррекцию исторического развития, и не преминул чуть ранее блеснуть перед гостей успехами, надеясь усыпить ее внимание. Терра-2-0-16, бахвалился он, считала себя уникальной и не думала о счетах с примариатом. Внедренная несколько столетий назад стандартная версия общей истории успешно прижилась, настоящее прошлое за несколько поколений перешло в разряд мифов и фольклора. Место истины заняла ложь, которая не могла правдоподобно объяснить даже происхождение циклопических сооружений «древности». Но род человеческий во все времена обманываться рад. Любовь к сказкам люди впитывают с детства.

Леди Елей, к досаде Форта, не снизошла до похвалы, заставив теребить манжету. На провинциальном собрании фрейлина, искушенная в дворцовых интригах, чувствовала себя божеством, и была выше земных слабостей. Лорд-председатель начал подозревать, что визит специального посланника не был плановым вопреки сообщениям из примариата. Чувствовал это и следующий докладчик, который сейчас поспешно шмыгнул за стол. В воздухе повисла пауза, которую ни один из персонажей странного спектакля не назвал бы театральной.

– Я ознакомилась с представленными данными по корпоративному поглощению до прибытия и, признаться, сначала была восхищена, – мягкий и завораживающий голос леди Елей нарушил тишину, растекся по помещению, заполнив его полностью. Она поднялась и медленно от бедра пошла вдоль стола, демонстрируя присутствующим совершенные формы. Ворс дорогого ковра глушил стук каблучков отчего казалось, что их хозяйка плывет в воздухе.

– Но примариат не позволил себе обмануться достигнутыми темпами трансформации местных экономик и сообществ. Глобализация рынка протекает медленней, чем следует. Финансовые инструменты эффективны, но не менее трети ресурсов планеты все еще контролируются разрозненными структурами. В чем дело?

Брюнетка остановилась у докладчика и возложила ручку на его плечо.

– Лорд-корректор посвятил проекту получасовую оду, но я не услышала ответа. Как жаль!

Леди Елей слегка наклонилась над плечом лорд-корректора и протянула небольшой шар из голубоватого полупрозрачного материала. Внутри колыхалась густая жидкость.

– Забавная безделушка, не находите? Возьмите, не бойтесь.

Корректор осторожно принял шар. По поверхности жидкости побежала легкая зыбь.

– Как вы думаете, что внутри? Не знаете? То, что осталось от лорд-корректора из параллельной ложи – с Терра-19-7-6. Материал изъят из генофонда нашего вида решением патриархов и с милостивого согласия примы.

Лысый вздрогнул и выронил шар. Сфера медленно покатила по столу к дальнему краю. Она удивительным образом двигалась по идеально ровной линии, не встречая на пути препятствий. Члены ложи – мужчины и женщины разных рас и возрастов – брезгливо убирали руки, боясь коснуться шара, словно тот был чумным.

– Счастливчик, – сказала посланник, неспешно следуя за шаром. – Председателя распылили на атомы, а корректор еще имеет шанс влиться в генетическое древо, если, конечно, кто-то неосторожно не разобьет контейнер с его ДНК. Ах!

Шарик упал со стола.

– Вы только что убили коллегу, – проворковала посланник. Лысый побелел и стал медленно сползать с кресла. Леди Елей обвинительно обвела пальчиком присутствующих. – И вы – тоже. Никто из вас не остановил ни шарик с ДНК, ни технологическое развитие на шарике покрупнее! Столкнуть аборигенов не трудно. Иммунитет, полученный подопечной цивилизацией в последней войне, ослабел. Если еще каких-то тридцать-пятьдесят витков назад у кого-то остался бы шанс выжить, то теперь все будет выжжено дотла. Люди готовы к кровопусканию, и единственным препятствием остаемся мы – ложа! Так почему же мы не пользуемся тем, что имеем?

Аудитория мудро молчала.

– Ах, я ошиблась, – брюнетка притворно вздохнула. – Шарик упал на ковер и по-прежнему цел. Найдется ли здесь хоть кто-то, кто поможет поднять безделушку?

Зал пришел в движение, закрипели кресла. Лорд-председатель потянулся в карман за сигаретами, но, наткнувшись на взгляд леди Елей, забарабанил пальцами по краю стола. Лорд-корректор шумно глотал минералку.

– А что случилось на Терра-19-7-6, госпожа? – спросил кто-то робко.

– Вы пока вселяете надежду, – сказала леди Елей, не бросив и мимолетного взгляда в сторону источника звука. – Правильно сформулированный вопрос приближает к истине.

Она милостиво приняла шар, поднятый с ковра и поднесенный услужливыми руками, и отвернулась к окну.

– Опекаемые параллельной ложей получили технологию прыжка, – шар в ее ладонях потемнел, а в голосе фрейлины зазвучала грусть. – Посланников планеты, на которой действовала ложа, приняла Лига миров, и система получила статус суверенной. Лига выделила опекаемым стандартную сферу развития. Теперь внутри сектора примариата появилось неуправляемое суверенное пятно.

– Как же так? – пространство за леди Елей забурлило, наполнилось возмущенными головами. – Измена?!

– Воистину, судари, – с озабоченностью в голосе сказала леди Елей. – Мы теряем контроль над сектором, который по праву наша Ойкумена. А ведь если б не нелепое восстание в прошлом, вопроса о юрисдикции вообще бы не стояло.

– Примариат превыше сущего! – вскинулся в салюте зал. Леди Елей благосклонно улыбнулась.

– Восславим абсолют!

06.

В улей по зову нанитов спускаюсь под вечер, чувствуя себя разбитым и морально выпотрошенным. Приветливо киваю знакомому оборотню на КПП¹¹. Тот нетерпеливо машет мне, отзывая в сторонку. В его распоряжении закрытый уголок с обшарпанным столом и парой расшатанных стульев. Он выставляет чайник, плещет в чашки коричневую бурду, гордо именуемую компотом собственного приготовления, суетится от нетерпения.

– Принес? – спрашивает наконец. Кладу ему в руку упаковку любимых пряников, и он аппетитно жует, жадно слушая, какие круасанчики я потреблял сегодня в уютной кофейне на поверхности. Его не так давно перевели на карантин, так что грех бедняге не посочувствовать.

Вовлеченные служат расходным материалом, и процент потерь высок, но наниты имеют приятный побочный эффект. Иностранная дрянь, сросшаяся с плотью, останавливает старение, позволяя носителю внешне практически не меняться десятилетиями, а то и веками. Оборотни, говорят, могут переживать целые исторические эпохи, если, конечно, удастся вовремя найти свой дзен.

Понятно, что делиться такой технологией с человечеством ложа не готова, да и не собирается. Цели у корректоров иные, да и объяснятся за зигзаги в истории вряд ли хотелось. Так что вовлеченный, даром что связан с ложей нанитами верности, по истечению первых двадцати лет после обращения обязан пройти временной карантин. Сухое и казенное название скрывает за собой заключение в улье. Длится эта пытка десять лет и считается пройденной только в одном случае: если чалиться в подземелье от звонка до звонка. Любые формы и способы контакта с поверхностью, как понимаете, настрого запрещены. Легче всего это испытание проходят те, кто не обзавелся до инициации семьей. А уж если детки были...

Мне относительно повезло. Когда меня «наградили» нанитами, я и девицей постоянной обзавестись не успел, а родителям и вовсе было плевать. Они уж лет пять как наслаждались разводом и каждый искал себе новое счастье, в концепцию которого великовозрастный сын никак не вписывался. Оперился? Геть из гнезда!

Формально карантин был, конечно, процедурой сугубо добровольной, вроде обета, но безальтернативной. Так что, если о ком-то говорили «сыграл в десятку», сразу становилось понятно: проходит пытку временем. Трудно ему, а иной раз невыносимо, но не оборвав связей с внешним миром на постоянную службу в ложу не перейти. И вот ведь в чем засада: путь для вовлеченного открыт исключительно в одну сторону. Покинуть ложу можно только ножками вперед. Кто-то так и делал, но для большинства оборотней, выживших в горниле тайной войны, подземелье становилось единственным домом. Или логовом, что точнее.

Сыгравшим в десятку улей предоставлял работу, не связанную с деятельностью на поверхности, пищу и одежду, товарищи – скудные развлечения. Оборотни тащили сверху алкоголь, деликатесы, предметы обихода, но главное – рассказы о жизни мира людей, которые невозможно было заменить новостными пакетами и выхолощенными, глянцевыми, нарочито пустыми ток-шоу. Человек, даже если напичкан нанитами донельзя, остается существом социальным, отшельников среди двуногих крайне мало. Вот и у знакомого моего в углу будки гундит еле слышно телеящик, но тот в сторону приемника даже не смотрит, а гостю в рот заглядывает. Как, дескать, дышится на свежем воздухе?

На втором стакане компота и собеседник, и я понимаем, что на третий круг возлияний ни красок, ни деталей визита в кофейню не хватит. Он со вздохом убирает пряники в ящик, а я рассыпаюсь в восхищении напитком, пытаюсь выведать рецепт и на выходе заручаюсь обещанием скорого и торжественного посвящения в сакральную тайну.

---

¹¹ КПП – контрольно-пропускной пункт.

За КПП людское движение практически замирает, и деловитое гудение улья, сначала кажущееся вездесущим, затухает, становится фоновым, коварно убаюкивающим, вечным сумеркам подземелий подстать. Но в центральном улье всегда светло и нет место тени. Искусственное освещение здесь не глушится даже в условно ночные часы, словно корректоры, опутавшие щупальцами поглощаемый мир, боялись темноты. Ха! Уж кому бы!

В центральном улье я должен пребывать сутки через двое. Считалось, что ложа оказала мне высокое доверие, допустив до охраны такого объекта! Кое-кто на периферии мне даже завидовал. Я же тяготился назначением, в душе называя его продолжением временного карантина. В провинции ей-богу дышалось много легче.

Первые часы смены по графику условно ночные, тихие и спокойные, хоть звезды считай, но где ж тут их разглядеть? Над головой метров триста грунта и гранитобетона, известного как «хренпробьешь». Такие же улья рыли на естественном спутнике планеты, хотя после удара и последнему идиоту стало понятно: и под землей, увы, не скрыться. Но на Терре-2-0-16 сооружения апокалипсиса вполне сгодились, а после восстановления климата над ними выросли города, о чем, впрочем, местная история умалчивает. Темная тетка, словом, вечно что-то недоговаривает. Да и с чего бы, коль не абы кто ее танцует, а победители.

В раздевалке почти никого, у соседнего шкафчика обтирается махровым полотенцем здоровячок из другой смены, бицепсом с татуированной пентаграммой играет. Оборотень, ясен день, других к охранной службе не подпускают. Увидел меня, кивнул приветливо, белье несвежее в сторону вежливо ножкой сдвинул, место освобождая. Помнит, цербер, что старших следует уважать. Ему ж, когда он только в охранение попал, мне вколачивать и пришлось: и культуру поведения, и корпоративную этику. В прошлой жизни этот тип был торпедой¹² в уличной банде, так что других методов воспитания не воспринимал. Кость лобовая толстая, к педагогике бронбойная.

– Какие новости? – спрашиваю, сбрасывая гражданское в шкафчик.

– Лорд-председатель выписал дамочку!

Здоровячок хищно глазами блещет, чистый волк, всем видом альфа-натуру демонстрирует. Мне становится скучно. Избитый приемчик, вам доложу, практически в каждой мужской компании неоднократно использованный, оскомину набивший, но по умолчанию из показной солидарности не порицаемый. Девицам справным в мужской компании не только тосты посвящаются.

– Да ладно, – тяну гласные с сомнением. Лорд нашей ложи не делил ложе ни с кем, и об этом, думалось, знали все окружающие.

– Там такая фифка! – восклицает оборотень, едва не облизываясь. – Любого лорда взволнует! Клянусь! Сам видел. Ух!

– У тебя все, что в юбке, «ух», – ухмыляюсь все еще недоверчиво. – Где ты ее узреть мог?

Оборотень обижается. Врать, говорит, мне незачем, не девица, мол, чтобы впечатление оказывать, а узрел фифу вместе с главным – они на объекте сейчас. Он ей экскурсию устроил, водит по улью, похваляется.

Тут мне впору удивиться вполне искренне: как же так, родимый, почему нашу смену в известность не поставили об инспекции руководства? Собеседник ухмыляется: доволен, нечисть, что все-таки подкинул костыля, и не скрывает даже. Как, дескать, не сообщили, если я, уважаемый, тебя в известность и ставлю?

В ответ хочется приложить ухмыляющуюся уголовную морду о шкафчик, но мебель ломать жалко, да и не причем она. Не гасится злость разрушением, только хуже становится, по себе знаю. Цепляю на анфас благодарную улыбку, но здоровячок нутром звериным настроение чует, хвостик поджимает и бочком-бочком к выходу семенит.

---

¹² Торпеда – сленг – опасный боец в банде, который выполняет задание любой ценой, даже если есть риск для жизни.

– Случилось что? – вопрошаю вслед. – Главный с инспекцией бродит или для проформы?

Оборотень пожимает плечами. Кто ж его, бойца-вовлеченного, в начальственные планы посвящать будет? Настроение у меня падает ниже последнего уровня улья. Тихой смена точно не будет. Вечно недовольное высокое начальство в покои удалится, нижестоящее всех и вся распекать останется. А мне после безуспешной погони за берсеркером в щель забиться хотелось. Что ж теперь? Клин клином?

07.

Звуковая запись ххх. Участники беседы: ххх, ххх. Тема (условная) – декодировка.

Первый голос (сухой, дребезжащий, сомневающийся, принадлежит пожилому джентльмену): – Если бы я, хм-м, был не в себе, то... Впрочем, нет! Забудьте. Бред!

(Глубокий выдох, смешок, покашливание).

Второй голос (хриплый, с ленцой, принадлежит курильщику со стажем): – Бредовые идеи, порой, самые верные, уважаемый ххх. От вас готов выслушать любую версию!

Первый (задумчиво): – Это будет антинаучно, мой друг. Я не могу себе позволить...

Второй (весело): – Нет, черт возьми, позвольте! Представим, что вы не светило науки, а студент. Да-да, студент, не отмахивайтесь! Прыщавый студент, которому еще не страшно ошибаться. Ему не возбраняется ошибаться! Более того, от него требуют предположений, гипотез, версий! Что бы вы сказали, будь на его месте?

(Смех, звон бокалов, стук твердых предметов о такую же поверхность).

Первый (интригуяще): – Тогда я бы предположил, что имею дело со знаковой системой древнее существующих. С праязыком.

Второй (недоуменно): – И что все это значит?

(Глубокий вдох, шипение тлеющих листьев, выдох).

Первый (доверительно и размеренно): – Это значит, что записи сделаны на очень древнем языке. Очень-очень древнем, на основе которого потом появились языки современные, все их многообразие. Понимаете? Нет? Мой друг! Какой же вы, однако, солдафон!

(Постукивание неким мягким предметом по твердой поверхности, журчание жидкости).

Первый (задумчиво): – Носители этого языка, образно говоря, наши предки. Вижу, не понимаете... Язык – живая система. Он меняется со средой обитания, с течением жизни и социальных процессов. Это постоянный и непрерывный процесс деградации или обогащения. Наши прапрадеды мой друг, даже разговаривали иначе, а праправнукам наша речь покажется чудной, архаичной. Но если течение, о котором я упоминал, остановится, тоже самое случится с языком. Вы, наверняка, слышали о мертвых языках. А о статичных? Представьте, есть примеры! Один из моих коллег занимался изучением языка закрытой кочевой культуры.

Второй (со смешком): Счастливые люди! Они, наверняка, не читали газет!

Первый: О да! В некоторой степени так и было. Люди идеально вписались в природный ландшафт. Их культура и, соответственно, язык, застыли в развитии. Речь, словарный запас не менялись на протяжении нескольких столетий, пока в тех краях не нашли богатое рудное месторождение и появились цивилизаторы, которые, несомненно из добрых побуждений, принялись раскачивать устои, подкапывать под гармоничную архаику, менять ландшафт.

Второй (с напускнуной печалью): Язык изменился...

Первый: Не меняется только мертвый язык. А мертвый язык принадлежит мертвым.

Второй (задумчиво): Так может и эти, носители вашего праязыка – из закрытой группы? Оттяпали себе где-то на отшибе приемлемый ландшафт, носа не высывывали тысячелетия.

Первый (с иронией): Охотились на мамонтов и били в бубен. До сих пор. Вы так полагаете?

Второй (весело): Бредить, так бредить! Может они и не люди?

Первый: Увольте! Это человеческий язык.

Второй: А-ха! Но вы же сами только что уверяли, что язык меняется постоянно. Как может носитель праязыка оказаться в настоящем? Он должен быть мертв несколько тысячелетий!

Первый (смеясь): Если не изобрел машину времени! Или не обратился в зомби.

Второй (с удивлением): – А ведь действительно бред!

(Смех).

Первый (утвердительно): – Поэтому я никогда не подпишусь под подобными выводами или версиями.

Второй (Оптимистично): – Аналогично, уважаемый ххх! За ваше и наше здоровье!

(Звон бокалов).

08.

Личные покои фрейлина нашла аскетичными, а интерфейс¹³ с виртуальным мажордомом, управлявшим ими, архаичным. Здесь не было привычной нейросвязи¹⁴, управление осуществлялось звуковыми командами, но помещение отвечало всем известным требованиям защиты и выбирать не приходилось. Ничего безопасней крохотная планета на отшибе галактики предложить не могла.

Леди Елей подхватила бокал с вином, поднесенный услужливым автобаром, присела на диванчик и неожиданно нашла его удобным. С теплым чувством она оперлась локотком на подушку и, сбросив туфельки, подобрала ножки. Потом фрейлина призывно щелкнула пальчиками.

– К вашим услугам, – прошелестели покои.

– Статус специального посланника, – промурлыкала леди Елей.

– Статус подтвержден, – восхищенно вздохнули покои.

– Доступ к Интеллекту улья, – молвила фрейлина.

– Доступ разрешен, – подобострастно сообщили покои и, прощально подкрасив воздух тонким цветочным ароматом, сменили тональность. Голос лишился эмоций, словно что-то невидимое, опутавшее пространство неосязаемыми щупальцами, внезапно сорвало с себя маску, обнажив безжизненный скелет машинерии.

– Здесь Интеллект, – сказал он. – Могу быть полезен?

– Закрытый канал на абонента с этим ключом, – тонкий пальчик вывел в воздухе замысловатую пентаграмму.

– Принято, – сообщил Интеллект и, немного помолчав, сообщил. – Абонент на связи.

– Я наблюдала восход, – произнесла леди Елей кодовую фразу.

– И тени растворились в свете, – прозвучало в ответ. Голос был живым. Микросекретарь фрейлины, отлитый в платине ее серьги, идентифицировал собеседника как секретного альфа-контрагента и вывел проекцию его лица на сетчатку. Контрагент – неприметный мужчина в годах, казалось, смотрел посланнику прямо в глаза.

– Я сочла ваш доклад возмутительным, – жестко сказала фрейлина. – Какая спецоперация? Что за самодеятельность?

– Взял на себя смелость действовать без визы исходя из сложившихся обстоятельств, – твердо сказал контрагент, не отводя глаз. – Но результаты таковы, что я могу надеяться на снисхождение.

– Любопытно, – леди Елей пригубила бокал. В голосе ее звучало сомнение. – Итак?

– На планете действует хорошо организованное и технически оснащенное подполье.

– Неужели, – фрейлина скептически улыбнулась.

– На данный момент я располагаю конкретными доказательствами, – сказал контрагент. – Подполье долго водило ложу за нос, играя на стороне статистики. Технология внедрения и наноконтроля здесь недостаточна совершенна, госпожа, я докладывал об этом. Туземный генетический материал накопил много ошибок, что приводит к сбоям в боевых программах нанитов. Это позволяло подполью заниматься перевербовкой некоторых вовлеченных.

– Великий примариат! – леди Елей прикрыла ручкой глазки. На стене за спиной возникла и стала растекаться черная клякса, но брюнетка ее не замечала.

---

¹³ Интерфейс – система для взаимодействия пользователя с различными, чаще всего сложными, машинами, устройствами и аппаратурой.

¹⁴ Нейросвязь – гипотет. – способ управлять машиной мыслью.

– Мы создали легенду о подготовке теракта против малозначимого конструкторского бюро и слили триаду вовлеченных класса берсеркер, – упрямо продолжал контрагент. – Косвенные данные, полученные берсеркерами, свидетельствуют о связи подполья с реакционерами.

– Берсеркерами? – перебила его леди Елей. – Вы опираетесь на данные, полученные дубломами с крошечными мозгами? Вы слышите себя?

– Не совсем берсеркерами, – собеседник опустил глаза. – Мне известно, как примариат относится к использованию в спецоперациях боевых программ, не прошедших испытаний, но мы обязаны были рискнуть. Триада получила дополнительные способности. Это позволило берсеркерам собрать образцы ДНК и затем передать информацию в улей. Среди подпольщиков идентифицированы сотрудники проекта, действующие или числящиеся погибшими во время выполнения заданий.

Контрагент пожевал губы, словно переводя дух. Леди Елей отставила бокал, чтобы скрыть легкую дрожь в кончиках пальцев. Слова контрагента заставили ее вспомнить подзабытый во время восхождения по иерархической лестнице азарт охотника и волнение было протитительным.

– Немедленно организуйте мне встречу с берсеркером.

– Увы, госпожа, невозможно, – отрапортовал контрагент. – Выполняя задачу, берсеркер исчерпал свой ресурс.

– То есть?

– Биологически умер. Технология несовершенна, как я уже говорил.

– Предатели блокированы?

– Еще нет, госпожа, – отвечивал собеседник. – Я отложил продолжение операции до вашего разрешения.

– Вы продолжаете меня удивлять, – сказала фрейлина. – Где инициативность, которую демонстрировали ранее?

– Рекомендую ознакомиться со списком идентифицированных, – контрагент позволил себе едва заметно приподнять уголки губ. Микросекретарь леди Елей пискнул, сообщив о передаче закодированного пакета данных и начале дешифровки. Перед глазами фрейлины побежала тарабарщина технических значков.

– Зафиксировано проникновение в систему, – прошептал в ушко микросекретарь. – Декодирование некорректно.

Фрейлина в гневе соскочила с диванчика.

– Троян¹⁵?! Как вы смели?!

– Я... не... трев...

Звук прерывался, лицо контрагента исказили помехи.

– Интеллект, закрыть все каналы! – гневно скомандовала леди Елей. Движения утеряли обманчиво мягкую кошачью плавность, стали резче и жестче, словно изящным телом фрейлины овладело что-то чужое и несовместимое с сексапильностью. Изображение контрагента замигало и исчезло.

– Отследить источник заражения!

– Закрытие исполнено, – отозвался Интеллект. – Анализ показывает, что источник заражения находился внутри защищенного пространства. Воздействие...

– Внутри чего?! – перебила леди Елей.

---

¹⁵Троян – категория вредоносных программ, осуществляющих различные несанкционированные пользователем действия: сбор и передачу информации, разрушение или злонамеренную модификацию, нарушение работоспособности систем или использование их ресурсов в неблагоприятных целях.

– Ваших покоев, – пояснил Интеллект и замолк. Свет на мгновение погас, впустив в комнату, где находилась фрейлина, темноту, прикосновения которой леди Елей было достаточно, чтобы почувствовать присутствие чего-то почти осязаемого, эфемерного, бестелесного и бесконечно чуждого. Пытаясь погасить рефлексивный трепет, фрейлина обернулась, ощущая, как нечто, ускользя от взора, легко уходит за спину. Воображение, подстегнутое адреналином, наделило чужака выпуклой формой маслянистой и черной кляксы. Леди Елей развернулась в обратную сторону, однако неуловимый взломщик уже растаял в колыхании занавеси на декоративном окне.

Фрейлина залпом осушила бокал и, успокоив сердцебиение, отдала повторную команду о дешифровке пакета данных, полученных от контрагента. Микросекретарь, оправдывая худшие ожидания, виртуально развел руками. Взломщик полностью изъясил информацию, уничтожив все ее следы.

Леди Елей швырнула бокал в стену, сделала несколько глубоких вдохов, наблюдая за суетой бытовых роботов, убирающих осколки, и вызвала лорд-председателя.

– Экранируйте мои покои от любого вида энергетического воздействия и выставите физическую охрану, – приказала она, не глядя в виноватое лицо Форта, вытянувшееся в удивлении. – Жду у себя немедленно.

Форт спросил разрешения войти в покои через несколько минут. От провинциального болвана предательски несло местным табаком и бренди.

09.

– Добрый вечер! В эфире шоу «Тайное рядом», и с вами я, ее бессменный ведущий Сэм Донован!

(Восторженные крики публики, собранной в студии)

– Спасибо, спасибо, друзья! Прошу немного тишины! Ага, вот так! Отлично!

(Пауза)

– У кого-то есть с собой карманный календарь? Нет? Ну, не беда! Каждый из присутствующих знает, какой сегодня год?

(Смех)

– Напрасно смеетесь! Календарь, которым мы пользуемся, не единственный в мире. Ортодоксы, к примеру, ведут летоисчисление от некой даты, отстоящей на пять с лишним тысяч лет от нулевого года общепринятого календаря. Церковники веками заверяли нас, что вели отсчет от сотворения мира. Правда, потом наука отодвинула момент сотворения нашей планеты на несколько миллиардов лет, но оказалось, что некоторых это не убедило. В последнее время появилось новое толкование древнего календаря и, как ни удивительно, оно нашло сторонников среди людей, которые считают бога, а то и целый пантеон богов, не высшим, а инопланетным разумом. Я говорю о людях, посвятивших себя поиску контактов с пришельцами, НЛО и подобных загадочных историях, о которых вы, наверняка, не раз слышали. С некоторых пор авторитетные представители этого движения заинтересовались несвойственной им практикой экзорцизма!

(Возгласы удивления)

– Но предполагали ли вы, что в них действительно есть что-то общее? Если нет, то напрасно. На ваш вопрос «почему» ответит наш гость. Он уже в студии и это известный уфолог, специалист по палеоконтактам Джереми Саймс.

(Аплодисменты)

– Джереми, привет!

– Привет, Сэм! Рад приглашению!

– Добро пожаловать! Джереми, позволь сразу задать тебе вопрос.

– Всегда пожалуйста!

– Как вообще можно совместить уфологию с тем, чем занимаются медиумы. На мой взгляд, это слишком забористый коктейль!

– Тебе просто нужно самому попробовать, Сэм. Он гораздо мягче ершей, которые мешают в баре двумя этажами ниже этой прекрасной студии!

(Аплодисменты)

– Джереми, уверяю, этот бар не имеет отношения к нашей телекомпании!

(Смех в студии)

– Но все же?

– Скажу так, Сэм: все потрясающие открытия совершены на стыке наук. Мы не исключение!

– Даже если ваши дисциплины не признаны академической наукой?

– Тем более! Не так давно один из моих коллег обратил внимание на череду странных случаев, объяснить которые не могли ни церковные экзорцисты, ни практикующие медиумы. К примеру, несколько месяцев назад к нам обратились родные одной девушки, которую считали одержимой.

– Подожди, Джереми, я немного запутался. Уфологи теперь изгоняют бесов?

(Аплодисменты и смех в студии)

– Сэм, я понимаю ваш скепсис! Допускаю, что у многих есть искушение провести параллели между уфологией и демонологией. Тем более, в свете заявлений отдельных духовников, называющих инопланетян бесами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.